

Геннадий Сотников: «Встреча с этим театром счастливая...»

Когда большой художник уходит из жизни, все, что им сделано, все, что сказано, обретает новый, истинный смысл. Санкт-Петербургская академия театрального искусства, в которой много лет проработал профессор Сотников, готовит к изданию книгу о его жизни и творчестве, отдельным разделом в нее войдет работа художника в Саха театре.

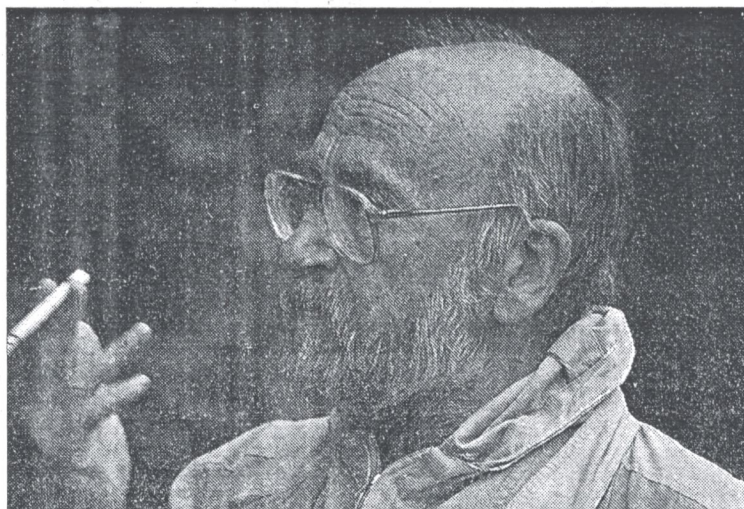
Самое первое интервью, фрагмент которого предлагается читателю, Геннадий Сотников дал в 1986 году сразу после первых гастролей в Москве. Тогда было поставлено только три спектакля крупной эпической формы, и не было еще в театре лауреатов славы, но слова, сказанные Геннадием Петровичем почти четверть века назад, впечатались в сознание и драгоценны не только как память, но и как заветы театру.

«Желанный голубой берег мой...» (1982)

Геннадий Сотников встретился с Андреем Борисовым в Москве, когда тот учился у Гончарова. На Трубной была такая живописная трущоба, где жили дворники-режиссеры. Вот там они и познакомились. Там же он взял у него текст «Пегого пса». Сначала не знал, как к нему подойти, он показался ему годным только для балетного либретто. С большим трудом Андрей его уговорил. (...)

Нельзя говорить о сценографии, пока это только картинка. Сцено-

удовольствием, мы говорим сразу о нескольких постановках. Один спектакль ставится, другой намечается, третий где-то там маячит, четвертый в мечтах, в миражах. По мере приближения к воплощению они в разной степени готовности для нас. Мы говорим подробно, но это не сопровождается ни эскизами, ни макетами, это сплошь и ря-

В поисках вдохновения.

интересен, этим стыком конкретного и абстрактного, ведь что может быть конкретнее этого загона, а люди видят бесконечное пространство, вечность...

«Ханидуо и Халерхаа» (1985)

Работа над этим спектаклем шла какими-то параллельными ходами. Инсценировка писалась, уже когда постановочная группа работала буквально в тех местах, где происходит действие романа, на Колыме, на Алазее, в поселке Андрюшкино у оленеводов. Видели они там и северное сияние, и собак, и кладбища старые – якугирские могилы, чукотские могилы и якутские могилы... (...) Они много привезли оттуда для декораций. Ведь в спектакле были использованы подлинные вещи: костюмы, предметы быта. (...) Трудно, конечно, было перевести эту реальность на театральный язык, не утратив конкретности. Вернувшись из тундры, Сотников быстро сделал макет, потому что внутренне все были уже подготовлены. Осуществлен он был в материале без него. Он приехал из Ленинграда к выпуску спектакля, и тут уже все, как говорится, было путем...

О своем восхищении коллективом Саха театра он мог рассказывать часами. «Тут пренебрегают внешними обстоятельствами субординации и прочих престижных дел, – говорил он. Реверан-

ей тогда только, когда она начинает работать конкретно во времени и пространстве. Картинка не что единовременное, а сценография — это явление, которое развивается во времени и пространстве, то задерживая время, то как-то его подгоняя. Тут много сложных тонкостей. Потому Геннадий Сотников и утверждал, что он художник этого спектакля, а сценограф его — Андрей. «Я дал ему эти две тряпки (занавесы-волны), но я дал их в самой общей форме. Я знал, что они нужны, что из них можно что-то сделать. Я подготовил плацдарм, а вот как он их провел, как он их использовал, это только от него зависело. Мы все обговорили, я сделал ему макет, дальше он работал без меня. (...)»

Я спросила: «Как вы с Борисовым работаете, живя в разных городах? Вы присылаете стопку эскизов, здесь их «воплощают», и все получается?»

«Не совсем так! — ответил он. — Как только приезжаю в Якутск, а езжу сюда довольно часто и с

«Желанный голубой берег мой». В спектакле легендарный первый состав.

дом черкушки какие-то, потом, конечно, что-то получается».

Мы продолжали беседовать о сценографии. Геннадий Сотников поведал: «Как сценограф я выступаю в строгих, малоизобразительных формах, но, так как я художник, страстный фигуративист, мои рациональные решения подоготовлены конкретным запасом впечатлений, которые я осуществляю в своих работах. Но по профессии я сценограф и все время работаю в театре... Лет пять назад декорация пришла в тупик: Она пришла к пустой сцене, а я всегда за декорацию конкретную, потому что для меня пустая сцена не итог, а скорее начало. Конечно, можно и на пустой сцене, конечно, можно! Но тогда и спектакль должен быть соответствующий, а когда мне играют и Брехта, и Чехова, и Шекспи-

ра, и Вампилова на пустой сцене, ну мне там делать нечего. Мне не интересно. Поэтому моя театральная судьба достаточно драматично складывалась, и у меня есть скорее репутация, чем популярность.

Сотников вместе с Борисовым поставил в Саха театре немало спектаклей. И у него был свой взгляд на совпадение творческих линий с другом. Вот что он тогда сказал об этом: «Я не люблю говорить об искусстве вообще, и Борисов это ненавидит, я люблю ответственные решения, предельные, и Борисов любит работать на пределе. Борисов — сибиряк, и я полагаю руку на сердце, хотя коренной ленинградец, — тоже сибиряк. Дело в том, что я с 1962 года связан с Сибирью. После института три года работал в Иркутске, год в Барнауле, работал в Петропавловске-

Камчатском и с тех пор почти ежегодно бываю в Сибири. И я бы никогда не взялся за этот спектакль, если бы не конкретный интерес к Якутии. Еще не к Якутскому театру, а к Якутии вообще. Ну, потом все как-то сошлось. Помню, Андрей приезжал ко мне в Ленинград под Новый год. Он много тогда рассказывал об Ойунском. Еще не готов был наш спектакль («Желанный голубой берег мой...»), а он уже говорил об Ойунском, о его поэзии в обычной своей сумбурной, но очаровательной манере... Мы с ним как-то по-человечески подружились. (...) Я подкину какую-то деталь и остановлюсь, а он сразу подхватывает, развивает ее сценически. С таким уровнем фантазии мне как-то не приходилось раньше встречаться. Это здорово! Борисов — человек склада «модернистского»».

«Мной оставленные песни» (1983)

Этот спектакль был посвящен 90-летию великого сына якутского народа. Сценографическое решение родилось после того, как Геннадий Петрович прочитал несколько строчек самого Ойунского — объявление в местной газете после разгрома Пепеляева. Он призывает местных жителей помочь красным бойцам. Помыть, постирать, накормить и побелить казармы... Вот и все, вот и все решение. Мотив беленого дерева он видел по всей Восточной Сибири — от Иркутска до Якутска. (...) Одни увидели в этой сценографии космос, другие — тюрьму. Он думал, эти противоположности сходятся потому, что Поэт — это образ человека, свободно даже, кажется, что эту парадоксальность надо подчеркивать и в своем толковании использовать эту двойственность. Этим театр и

что-то держит их в творческом напряжении. (...) Актеры во все входят, все понимают. Здесь нет того, что часто бывает в других театрах, — какую-нибудь примадонну не убедишь, что «вы должны носить синее, а не красное» или носить низкие каблуки, а не высокие, ей хоть кол на голове теши, она говорит о том, что ей это не идет. Здесь такого невозможно даже представить себе. Настолько все единой волей живут! Я уже 25 лет работаю по театрам. Видел всякие. От Таллина до Петропавловска-Камчатского. И в Ленинграде, и в Москве работал, но вот такого театра я не видел, понимаете?»

...Раньше я вообще мало думал о специфике национальных театров. Впервые я серьезно столкнулся с этим здесь, в Якутске. Но, думая об этом, я все-таки работаю так же, какие и в русском театре, как в Москве, как в Ленинграде. Фигурально выражаясь, я не пытаюсь говорить по-якутски. (...) Другое дело, что, работая здесь, я естественным образом использую те мотивы, которые в Якутии наличествуют. Никакого спецязыка я не вырабатываю. Важно, что меня здесь понимают и мне интересен Саха театр, его специфика, его история, его генезис... Этим я обязан Ефиму Степанову, который во многом просветил меня по части истории театра, объяснил мне генеалогию актерскую: кто чей сын, кто чей брат да сват... А рассказы о стариках-гигантах, таких как Дмитрий Ходулов, Лазарь Сергучев, Иоаким Избеков, — это очень интересно. Это мне помогает и придает всему какой-то живой человеческий тон. (...) Я убежден, что к театру не надо подходить с точки зрения национальной или не национально, надо подходить с общечеловеческой точки зрения. Для меня встреча с этим театром счастливая прежде всего потому, что меня здесь понимают как театрального художника в полной мере».

Валентина ЧУСОВСКАЯ.

Сцена спектакля «По указу Чингисхана».